

Оглавление

Предисловие	7
Часть I	
Американская гегемония и глобальная безопасность	13
1. Дилеммы утраченной национальной безопасности	19
• <i>Конец суверенной безопасности</i>	19
• <i>Национальная мощь и интернациональное противоборство</i>	30
• <i>Определение новой угрозы</i>	39
2. Дилеммы нового глобального беспорядка	58
• <i>Сила слабости</i>	60
• <i>Беспокойный мир ислама</i>	65
• <i>Зыбучие пески гегемонии</i>	79
• <i>Стратегия разделенной ответственности</i>	89
3. Дилеммы управления союзами	107
• <i>Глобальное ядро</i>	111
• <i>Метастабильность Восточной Азии</i>	131
• <i>Ревани Евразии?</i>	151
Часть II	
Американская гегемония и всеобщее благо	159
4. Дилеммы глобализации	167
• <i>Естественная доктрина глобальной гегемонии</i>	168
• <i>Цель контрсимволизма</i>	178
• <i>Мир без границ, но не для людей</i>	191
5. Дилеммы гегемонистской демократии	207
• <i>Америка и глобальный культурный соблазн</i>	208
• <i>Множественность культур и стратегическая сплоченность</i>	217
• <i>Гегемония и демократия</i>	227
Заключение и выводы: мировое господство или лидерство	242
Благодарности	261

Предисловие

Мой главный тезис относительно роли Америки в мире прост: американское могущество – решающий фактор в обеспечении национального суверенитета страны – является сегодня высшей гарантией глобальной стабильности, между тем американское общество стимулирует развитие таких глобальных социальных тенденций, которые подвергают эрозии традиционный государственный суверенитет. Мощь Америки и движущие силы ее общественного развития во взаимодействии могли бы способствовать постепенному созданию мирного сообщества, основанного на совместных интересах. При неправильном же использовании и столкновении друг с другом эти начала способны ввергнуть мир в состояние хаоса, а Америку превратить в осажденную крепость.

На заре XXI века американская мощь достигла беспрецедентного уровня, о чем свидетельствуют глобальный охват военных возможностей Америки и ключевое значение ее экономической жизнеспособности для благополучия мирового хозяйства, инновационный эффект технологического динамизма США и ощущаемая во всем мире притягательность многоликой и часто незатейливой американской массовой культуры. Все это придает Америке не имеющий аналогов политический вес глобального масштаба. Плохо это или хорошо, но именно Америка определяет сейчас направление движения человечества, и соперника ей не предвидится.

Европе, пожалуй, под силу составить конкуренцию США на экономической ниве, но пройдет немало времени, прежде чем она достигнет той степени единства, которая позволила бы ей вступить в политическое состязание с американским колоссом. Сошла с дистанции Япония, которую одно время прочили на роль следующей сверхдержавы. Китаю, несмотря на все его экономические успехи, по-прежнему предстоит оставаться относительно бедной страной в течение жизни по крайней мере двух

поколений, а тем временем его могут подстеречь серьезные политические осложнения. Россия же – больше не участник забега. Короче говоря, у Америки не имеется и вскоре не появится равного ей противовеса в мире.

Таким образом, нет никакой реальной альтернативы торжеству американской гегемонии и роли мощи США как незаменимого компонента глобальной безопасности. В то же время под воздействием американской демократии – и примера американских достижений – повсюду происходят экономические, культурные и технологические изменения, содействующие формированию глобальных взаимосвязей, как поверх национальных границ, так и сквозь эти границы. Эти изменения могут подрывать ту самую стабильность, которую призвана охранять американская мощь, и даже возбуждать враждебность по отношению к Соединенным Штатам.

В итоге Америка сталкивается с необыкновенным парадоксом: она представляет собой первую и единственную подлинно глобальную сверхдержаву, а между тем американцев все больше беспокоят угрозы, исходящие от намного более слабых недругов. Тот факт, что Америка обладает не имеющим аналогов глобальным политическим влиянием, делает ее объектом зависти, негодования, а иногда и жгучей ненависти. К тому же, эти антагонистические настроения могут не только эксплуатироваться, но и разжигаться традиционными соперниками Америки, даже если сами они вполне осмотрительно не идут на риск прямого столкновения с ней. А этот риск достаточно реален для безопасности Америки.

Следует ли отсюда, что Америка правомочна притязать на более надежную безопасность, чем другие национальные государства? Ее руководители – как управляющие, в чьих руках находится национальное могущество, и как представители демократического общества – должны стремиться к тщательно выверенному балансу между двумя ролями. Упование исключительно на многостороннее сотрудничество в мире, где угрозы национальной и в конечном счете глобальной безопасности, бесспорно, растут, создавая потенциальную опасность для всего человечества, способно обернуться стратегической летаргией. Напротив, упор главным образом на самостоятельное использование суверенной мощи, особенно в сочетании со своекорыстным определением новых угроз, может вылиться в самоизоляция-

цию, прогрессирующую национальную паранойю и все большую уязвимость на фоне повсеместного распространения вируса антиамериканизма.

Америку, подавленную тревогой и одержимую интересами собственной безопасности, вполне вероятно, ожидала бы изоляция в окружении враждебного мира. А если в поисках безопасности для одной себя ей случилось бы потерять самоконтроль, то земле свободных людей грозило бы превращение в государство-гарнизон, насквозь пропитанное духом осажденной крепости. Между тем окончание «холодной войны» совпало с широчайшим распространением технических знаний и возможностей, позволяющих изготовить оружие массового поражения, не только среди государств, но и среди политических организаций с террористическими устремлениями.

Американское общество храбро держалось в устрашающей ситуации «двух скорпионов в одной банке», когда Соединенные Штаты и Советский Союз сдерживали друг друга посредством потенциально сокрушительных ядерных арсеналов, но ему оказалось труднее сохранять хладнокровие в условиях всепроникающего насилия, повторяющихся актов терроризма и расплзания оружия массового уничтожения. Американцы чувствуют, что в этой политически неясной, порой двусмысленной и нередко сбивающей с толку обстановке политической непредсказуемости кроется опасность для Америки, причем именно потому, что она является главенствующей на планете силой.

В отличие от держав, обладавших гегемонией раньше, Америка действует в мире, где временные и пространственные связи становятся все теснее. Имперские державы прошлого, такие как Великобритания в XIX веке, Китай на различных этапах своей насчитывающей несколько тысячелетий истории, Рим на протяжении пяти столетий и многие другие, были относительно недостижимы для угроз извне. Мир, в котором они господствовали, делился на отдельные, не общавшиеся друг с другом части. Параметры расстояния и времени открывали простор для маневра и служили залогом безопасности территории государств-гегемонов. В противоположность им Америка, пожалуй, располагает беспрецедентным могуществом в глобальном масштабе, но зато и степень безопасности ее собственной территории небывало мала. Необходимость жить в состоянии незащищенности, похоже, приобретает хронический характер.

Ключевой вопрос, следовательно, заключается в том, сумеет ли Америка проводить мудрую, ответственную и эффективную внешнюю политику – политику, которая избегала бы заблуждений в духе психологии осажденного положения и одновременно соответствовала бы исторически новому статусу страны как верховной державы мира. Поиск формулы мудрого внешнеполитического курса должен начинаться с осознания того, что «глобализация» по своей сути означает глобальную взаимозависимость. Взаимозависимость не гарантирует равного статуса или даже равной безопасности всем странам. Но она предполагает, что ни одна страна не обладает полным иммунитетом от последствий научно-технической революции, которая многократно расширила возможности человека в применении насилия и вместе с тем скрепила узы, все теснее связывающие человечество воедино.

В конечном счете кардинальный политический вопрос, стоящий перед Америкой, звучит следующим образом: «Гегемония во имя чего?» Будет ли страна стремиться построить новую мировую систему, основанную на совместных интересах, или станет использовать свою суверенную глобальную мощь главным образом для упрочения собственной безопасности?

Нижеследующие страницы посвящены тому, что я считаю главными вопросами, на которые необходимо дать стратегически всеобъемлющий ответ, а именно:

- каковы главные опасности, угрожающие Америке?
- есть ли у Америки, учитывая ее господствующий статус, право на большую степень безопасности, чем у остальных стран?
- каким образом Америке следует противостоять потенциально смертоносным угрозам, которые все чаще исходят не от сильных соперников, а от слабых недругов?
- в состоянии ли Америка конструктивно регулировать свои долгосрочные отношения с исламским миром, насчитывающим 1 миллиард 200 миллионов человек, многие из которых все больше видят в Америке заклятого врага?
- может ли Америка решающим образом содействовать урегулированию израильско-палестинского конфликта при на-

личии сталкивающихся, но законных притязаний двух народов на одну и ту же землю?

- что требуется для достижения политической стабильности в беспокойной зоне новых Мировых Балкан, протянувшейся вдоль южной оконечности центральной Евразии?
- способна ли Америка наладить подлинное партнерство с Европой, учитывая, с одной стороны, медленные темпы политического объединения Европы, а с другой – очевидное возрастание ее экономического могущества?
- возможно ли вовлечь Россию, которая уже не является соперником Америки, в атлантическую структуру под американским руководством?
- какова должна быть роль Америки на Дальнем Востоке, принимая во внимание сохраняющуюся, но неохотную зависимость Японии от Соединенных Штатов и увеличение ее военной мощи, а также усиление Китая?
- насколько вероятно, что глобализация породит логически законченную контрдоктрину или контральянс, направленные против Америки?
- становятся ли демографические и миграционные процессы новыми источниками угроз для глобальной стабильности?
- совместима ли американская культура с ответственностью имперского характера?
- как Америка должна реагировать на новое углубление неравенства между людьми, которое может резко ускориться в результате происходящей научно-технической революции и стать еще отчетливее под воздействием глобализации?
- совместима ли американская демократия с ролью, суть которой составляет гегемония, сколь бы тщательно эта гегемония ни маскировалась; каким образом императивы безопасности, неотъемлемые от этой особой роли, скажутся на традиционных гражданских правах американцев?

Итак, настоящая книга представляет собой отчасти прогноз и отчасти – набор рекомендаций. В качестве исходного пункта взято следующее утверждение: недавно начавшаяся революция

в передовых технологиях, прежде всего в сфере коммуникаций, благоприятствует постепенному становлению глобального сообщества, опирающегося на все более широко признаваемые единые интересы, – сообщества, в центре которого находится Америка. Но потенциально не исключаемая самоизоляция единственной сверхдержавы способна погрузить мир в пучину нарастающей анархии, особенно губительной на фоне распространения оружия массового уничтожения. Поскольку Америке – принимая во внимание ее противоречивую роль в мире – предначертано быть катализатором движения либо к глобальному сообществу, либо к глобальному хаосу, на американцах лежит уникальная историческая ответственность за то, каким из двух этих путей пойдет человечество. Нам предстоит сделать выбор между господством над миром и лидерством в нем.

30 июня 2003 г.

Американская гегемония и глобальная безопасность

Уникальное положение Америки в мировой иерархии сегодня широко признано. Первоначальные удивление и даже гнев, с которыми была встречена за рубежом открытая констатация главенствующей роли Америки, уступили место более сдержанным – хотя все еще отмеченным печатью обиды – попыткам обуздать, ограничить, направить в иное русло или подвергнуть осмеянию ее гегемонию¹. Даже русские, которые по причинам ностальгического порядка менее всех склонны признавать масштабы американского могущества и влияния, согласились с тем, что в течение некоторого времени Соединенные Штаты будут оставаться определяющим игроком в мировых делах². Когда 11 сентября 2001 г. Америка подверглась террористическим ударам, британцы во главе с премьер-министром Тони Блэром приобрели авторитет в глазах Вашингтона, немедленно присоединившись к объявлению американцами войны против международного терроризма. Их примеру последовала значительная часть планеты, включая страны, которые ранее на себе испытали боль террористических атак, удостоившись лишь малой толики сочувствия с американской стороны. Прозвучавшие во всех уголках мира заявления в духе декларации «мы все – американцы» были не просто выражениями искреннего сопереживания, они стали еще и своеобразными заверениями в политической лояльности.

Современному миру может не нравиться американское превосходство: он может относиться к нему с недоверием, негодовать и время от времени даже составлять направленные против него заговоры. Однако прямо оспаривать верховенство Америки в практическом ключе остальному миру не по силам. В течение прошлого десятилетия предпринимались отдельные попытки сопротивления, но все они потерпели неудачу. Китайцы и русские пофлиртовали с идеей стратегического партнерства, ориентированного на формирование «многополярного мира» – поня-

тие, истинный смысл которого легко расшифровывается с помощью слова «антигегемония». Из этого мало что могло выйти, учитывая относительную слабость России по сравнению с Китаем и прагматизм китайских руководителей, прекрасно осознающих, что в настоящий момент Китай больше всего нуждается в иностранных капиталах и технологиях. Ни на то, ни на другое Пекину не приходилось бы рассчитывать, приобрети его отношения с Соединенными Штатами антагонистический оттенок. В завершающем году XX столетия европейцы, и в первую очередь французы, с помпой провозгласили, что Европа вскоре обзаведется «автономными возможностями в области глобальной безопасности». Но, как не замедлила показать война в Афганистане, обещание это было сродни некогда знаменитому советскому заверению в исторической победе коммунизма, «виднеющейся на горизонте», то есть на воображаемой линии, неумолимо отодвигающейся по мере приближения к ней.

История – летопись изменений, напоминание о том, что всему наступает конец. Но она же подсказывает, что некоторым вещам дарован долгий век, а их исчезновение отнюдь не означает возрождения предшествовавших реальностей. Так будет и с сегодняшним мировым преобладанием Америки. Однажды оно тоже начнет клониться к закату, возможно, позднее, чем коекому хотелось бы, но раньше, нежели полагают, ничтоже сумняшеся, многие американцы. Что придет ему на смену? – вот ключевой вопрос. Внезапный конец американской гегемонии, без сомнения, погрузил бы мир в хаос, в обстановке которого международная анархия сопровождалась бы взрывами насилия и разрушениями подлинно грандиозного масштаба. Сходный эффект, только растянутый во времени, имел бы и неуправляемый постепенный упадок господства США. Но поэтапное и контролируемое перераспределение власти могло бы привести к оформлению структуры глобального сообщества, основанного на совместных интересах и располагающего своими наднациональными механизмами, на которые в возрастающем объеме возлагались бы некоторые специальные функции в сфере безопасности, традиционно принадлежащие национальным государствам.

В любом случае эвентуальное окончание американской гегемонии не повлечет за собой восстановления многополярного баланса между знакомыми нам великими державами, которые управляли мировыми делами в последние два столетия. Не увен-

чается оно и воцарением на месте Соединенных Штатов другого гегемона, обладающего аналогичным политическим, военным, экономическим, научно-техническим и социокультурным глобальным превосходством. Известные крупные державы прошлого века слишком утомлены или слабы, чтобы справиться с ролью, которую сегодня играют Соединенные Штаты. Примечательно, что начиная с 1880 года в иерархической таблице мировых держав (составленной на основе совокупной оценки их экономического потенциала, военных бюджетов и преимуществ, населения и т.д.), менявшейся с интервалами в двадцать лет, верхние пять строк занимали всего лишь семь государств: Соединенные Штаты, Великобритания, Германия, Франция, Россия, Япония и Китай. Однако только Соединенные Штаты неоспоримо заслуживали включения в ведущую пятерку в каждый 20-летний период, а в 2002 году разрыв между государством, занявшим самую верхнюю позицию, – Соединенными Штатами – и остальными странами оказался намного больше, чем когда-либо прежде³.

Бывшие великие европейские державы – Великобритания, Германия и Франция – слишком слабы, чтобы принять на себя удар в схватке за гегемонию. Маловероятно, что в ближайшие два десятилетия Европейский союз достигнет той степени политического единства, без которой народам Европы никогда не обрести воли к соперничеству с Соединенными Штатами на военно-политической арене. Россия уже не представляет собой имперскую державу, и главным вызовом для нее является задача социально-экономического возрождения, не выполнив которую она будет вынуждена уступить свои дальневосточные территории Китаю. Население Японии стареет, ее экономическое развитие замедлилось; типичная для 1980-х годов точка зрения, сулившая Японии превращение в следующее «сверхгосударство», выглядит сегодня исторической пронией. Китай, даже если ему удастся сохранить высокие темпы экономического роста и не утратить внутривнутриполитическую стабильность (и то и другое сомнительно), станет в лучшем случае региональной державой, потенции которой по-прежнему будут лимитироваться бедностью населения, архаичной инфраструктурой и отсутствием универсально притягательного образа этой страны за рубежом. Все это относится и к Индии, трудности которой, сверх того, усугубляются неясностью долгосрочных перспектив ее национального единства.